

М. А. Манкевич

**ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ЛИТВЫ И СССР В 1920 ГОДУ:
ДИСКУССИОННЫЕ ВОПРОСЫ**

Рассматриваются перипетии переговоров Литвы и РСФСР в Москве весной-летом 1920 г. Анализируются обстоятельства заключения Московского мирного договора между Литвой и Советской Россией 12 июля 1920 г., а также рассказывается о международном резонансе, вызванном подписанием литовско-советского мирного соглашения. Особое внимание уделено вопросу о характере нейтралитета Литвы в советско-польской войне в августе-сентябре 1920 г.

This article considers the vicissitudes of the Lithuanian – RSFSR negotiations in Moscow in the spring-summer of 1920. The author analyses the circumstances of the signing of the Moscow Peace Treaty between Lithuania

© Манкевич М. А., 2012

Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. 2012. Вып. 12. С. 39 – 46.

and Soviet Russia on July 12, 1920 and focuses on the international response to it. The author pays special attention to the question of the character of Lithuania's neutrality in the Soviet-Polish war in August-September 1920.

Ключевые слова: Литва, СССР, Польша, международные отношения, советско-польская война, нейтралитет, вильнюсский вопрос, Московский мирный договор.

Key words: Lithuania, USSR, Poland, international relations, Soviet-Polish war, neutrality, Vilnius issue, Moscow Peace Treaty.

В истории литовско-советских отношений события 1920 г. занимают особое место. После непродолжительного периода нестабильности в межгосударственных связях двух стран наметилась тенденция к их нормализации, чему способствовал ряд факторов. Весной 1920 г. Литва оказалась вовлечена в запутанный клубок международных отношений в Восточной Европе. Во-первых, она так и не получила признания своего суверенитета ни де-факто, ни де-юре со стороны соседей (РСФСР и Польши). Во-вторых, в ходе разгоревшейся советско-польской войны под предлогом защиты Запада от распространения большевизма польские войска вторглись на территории, которые Литва считала своими этнографическими землями. В-третьих, все апелляции к Антанте по вопросу государственной принадлежности стратегических для Литвы территорий не привели к желаемому результату. Западные союзники, еще в начале 1919 г. выступившие единым фронтом против Советской России, стремились заглушить все конфликты внутри этого фронта (в том числе и польско-литовский) и убеждали Литву смириться с временным статус-кво. В сложившихся условиях Литва была вынуждена начать в опасную дипломатическую игру, которая могла привести к совершенно непредсказуемым результатам.

В настоящей статье предпринята попытка выделить и проанализировать спорные моменты литовско-советских отношений в 1920 г., касающиеся переговоров Литвы и РСФСР весной-летом 1920 г., заключения между этими государствами Московского мирного договора, а также характера нейтралитета Литвы в советско-польской войне в августе-сентябре 1920 г.

В начале весны 1920 г. Литва направила обращение правительству РСФСР, в которой выразила готовность заключить мир с Советской Россией. В документе содержалось и главное условие заключения мира: признание полной независимости Литвы в этнографических границах, включающих бывшие Гродненскую, Сувалкскую, Виленскую и Ковенскую губернии [1, с. 437–438].

В ответной ноте нарком иностранных дел РСФСР Г. В. Чичерин изъявил готовность вести двусторонние переговоры, но вопрос об определении границ Литвы и «национальной принадлежности того или иного города» предложил обсудить на специальной конференции между двумя правительствами [Там же, с. 437]. Это не удовлетворило литовское руководство — в послании от 4 апреля 1920 г. министр иностранных дел А. Вольдемарас вновь призвал советское правительство недвусмысленно высказаться по поводу признания за Литвой городов Вильно и Гродно. Ответ Г. В. Чичерин дал в обтекаемой форме: «Рос-

сийское Советское правительство принимает этнологический принцип как основу в решении этого вопроса... Если Литовское правительство знает, что в силу этнологических данных названные им города должны быть отданы Литве, оно может быть уверено, что Российское Советское правительство без колебаний примет эти заключения...» [1, с. 450–451]. В итоге, не получив желаемых гарантий, правительство Литвы все же согласилось начать мирные переговоры.

Первый раунд переговоров состоялся в Москве 7 мая 1920 г. Советская сторона, играя на желании литовцев скорее получить дипломатическое признание, попыталась принудить Литву заключить военную конвенцию о совместных действиях против Польши. В телеграмме литовской делегации в Каунас от 8 мая 1920 г. сообщалось о конфиденциальном предложении Г.В. Чичерина координировать военные действия против поляков, вплоть до установки даты общего наступления. Литовским коллегам дали понять, что от их сговорчивости в вопросе военного сотрудничества будут в значительной степени зависеть условия мира [2, р. 44]. Из Каунаса последовал ответ, что предложение Г.В. Чичерина приемлемо, но лишь после заключения мирного договора.

В последующей литовской дипломатической переписке обнаруживается лишь усиливавшееся недопонимание между МИДом Литвы и его дипломатами в Москве. Одна за другой в Каунас отправлялись телеграммы с аргументами о необходимости заключения военного союза с Москвой и выгодах такого шага. В конце концов А. Вольдемарас отозвал часть делегации из Москвы, и таким образом переговоры были приостановлены. Кроме того, руководитель литовского МИДа потребовал немедленных и подробных отчетов от своих подчиненных [Ibid, р. 45–46].

Категоричность Литвы в вопросе подписания военной конвенции с Советской Россией объяснялась еще и тем, что о конфиденциальной части литовско-советских переговоров в Москве стало известно и представителям Антанты. Литовский представитель в Риге Д. Заунис телеграфировал своему правительству о том, что западные коллеги ежедневно просят прояснить положение и подтвердить либо опровергнуть информацию о возможности военного союза с большевиками против Польши. Представители западных держав всерьез обеспокоились проблемой сохранения единства антибольшевистского фронта, ведь наряду с проведением советско-литовских мирных переговоров Красная армия перешла в контрнаступление на польско-советском фронте. В этой ситуации, по мнению Ч. Лавринавичюса, правительство Литвы, попав на одну арену с грозными соседями, не растерялось и, несмотря на недостаток материальных средств для самообороны, заняло действительно волевою позицию, попытавшись оказать давление на обе стороны (Запад и Советы) и заставить их считаться с интересами Литвы [Ibid, р. 47].

В связи с началом наступления Красной армии 4 июля 1920 г. руководство Польши известило МИД Литвы, что «правительство Польши решило признать Учредительный сейм Литвы и назначенное им правительство как фактически независимые организации» и выразило надежду установить между Польшей и Литвой дружественные отношения [3, р. 16]. Однако это признание не имело для Литвы в тот момент

большого практического значения. Для нее было важно признание независимого государства со столицей в Вильнюсе, которое Польша не собиралась ей давать.

Таким образом, взяв передышку в переговорном процессе, Литве удалось избежать заключения военной конвенции с РСФСР, а мирные переговоры были возобновлены во второй половине июня 1920 г. Их итогом стало подписание 12 июля 1920 г. Мирного договора между Россией и Литвой. Советская Россия безоговорочно признала «самостоятельность и независимость Литовского Государства» и отказалась «от всех суверенных прав России над литовским народом и его территорией» [4, с. 29]. Согласно четвертой статье договора стороны обязались не допускать пребывания на своей территории вооруженных сил третьих стран [Там же, с. 31–32]. В соглашении также была прописана экономическая сторона взаимодействия двух государств: Литве передавалось все российское имущество, находящееся на ее территории, она освобождалась от ответственности по прежним обязательствам перед Россией, последняя также должна была выдать Литве 3 млн рублей золотом в полуторамесячный срок со дня ратификации договора [Там же, с. 33–38]. В советской и российской историографии сложилось мнение, что РСФСР этим документом признала Вильнюс неотъемлемой частью Литвы [5, р. 47; 6, с. 46]. Схожее впечатление договор произвел на современников событий: Литва вернула свои этнографические границы, включая Вильнюс и прилегающие к нему территории [7, р. 15; 3, р. 18]. Однако Ч. Лавринавичюс совершенно справедливо отмечает, что в самом тексте договора, в том числе во второй статье о литовско-российской границе, нет ни слова о признании Вильнюса за Литвой [8, с. 110]. Линия литовско-российской границы начиналась от Западной Двины около Друи, пролегла на юг по реке Нарочь, через Молодечно, оставляя на литовской стороне Лиду и Гродно и заканчиваясь около Штабина. В то же время границу между Литвой и Польшей должны были установить позже по двустороннему соглашению [4, с. 29–31]. По мнению Ч. Лавринавичюса, не только вопрос о принадлежности Вильнюса оставался нерешенным, но и сама Литва оказалась практически под протекторатом Советской России [8, с. 110; 9, р. 37]. Польский историк П. Лоссовский называет сотрудничество Каунаса и Москвы летом 1920 г. самоубийственной политикой для Литвы, так как в случае победы Красной армии над Польшей Литву ждала бы «быстрая и полная советизация» [10, s. 226].

Необходимо отметить, что параллельно переговорам Литвы и РСФСР продолжались постоянные консультации литовского правительства с западными союзниками. В условиях стремительного отступления польских войск под ударами Красной армии 9 июля 1920 г. литовское командование обратилось к верховному консулу Англии в Прибалтике С. Талленсу по вопросу о порядке передачи Вильнюса войскам Литвы. А 10 июля на конференции Антанты в Спа был подписан договор, по которому польское правительство в обмен на помощь западных союзников обязалось вернуть Вильнюс Литве, а решение вопроса о политической принадлежности Вильнюса Польша согласилась передать Антанте [5, р. 46–47]. Днем позже состоялось совещание военного руководства Польши и Литвы при участии западных со-

юзников. Войскам Литвы было предложено выдвинуться в направлении Вильнюса в тот же день, чтобы успеть войти в город раньше Красной армии. Министр иностранных дел Литвы Й. Пурицкис направил 13 июля наркому Г. В. Чичерину личное письмо с просьбой не вступать в Вильнюс, который должны были без боя занять литовские войска [2, р. 50]. Однако 3-й кавалерийский корпус Красной армии под командованием Г. Гая, не дожидаясь литовских войск, оккупировал Вильнюс.

Известия о заключении мирного соглашения между Литвой и Советами и овладении Вильнюсом большевиками были неоднозначно встречены на Западе. Польская пресса писала о военном союзе Литвы и Советской России [6, с. 48]. Слухи о советско-литовском военном сотрудничестве пересекли океан, и находящийся в это время в Нью-Йорке представитель Литвы Й. Вилейшис писал в Каунас, что литовцам запрещено покидать территорию США, в прессу перестали принимать к публикации материалы представителей Литвы, возникли некоторые проблемы с ссудами Литве [11, р. 24]. «Поведение» Советской России способствовало возникновению разговоров о существовании тайного военного союза с Литвой. Так, например, 18 июля 1920 г. в «Правде» появилось сообщение о том, что при захвате Вильнюса польские войска были разбиты *совместными* военными силами Советской России и Литвы [2, р. 51].

В конце июля советское правительство предложило литовской стороне создать смешанную комиссию для урегулирования положения, связанного с временной оккупацией войсками Советов «некоторых частей Литвы по стратегическим соображениям» [4, с. 66]. Конвенция о выводе русских войск с территории Литвы была подписана в Каунасе 6 августа 1920 г. Все занятые Красной армией территории делились на три части: северную, среднюю (с городом Вильно) и южную (с городами Гродно и Лида). Из первых двух зон эвакуация должна была начаться немедленно после подписания конвенции и закончиться не позднее 1 сентября 1920 г. Сроки эвакуации южной зоны должны были определяться дополнительным соглашением русского и литовского командований [Там же, с. 86–87]. Литовские войска вступили в Вильнюс 27 августа 1920 г.

Вопрос о мотивах, которыми руководствовалось правительство РСФСР, передавая Вильнюс Литве, остается открытым. Западные авторы подчеркивают далеко не бескорыстный характер поведения русских, говоря о планах коммунистической революции в Литве, которые были оставлены советским руководством лишь после поражения Красной армии под Варшавой 16–19 августа [12, р. 34]. Советские историки, оценивая передачу Вильно литовцам, говорят о том, что «такой шаг со стороны Советской России был во время ожесточенных боев с поляками далеко не выгоден для операций Красной армии, тем не менее, верная своим лозунгам, Советская Россия не вступила в спор с Литвой» [13, с. 29].

Сразу после занятия Вильно Литва поспешила направить Польше телеграмму, в которой заявила о своем *строгом нейтралитете* в советско-польской войне и предложила провести демаркацию между двумя государствами по линии Граево — Августов — Штабин [14, р. 45].

На польско-литовских переговорах 26–31 августа в Каунасе поляки предложили заключить военно-оборонительный союз против большевиков, но стороны не сумели договориться. На следующий день после отъезда польской военной миссии из Каунаса литовские войска начали контрнаступление в Сувалкском районе, однако вскоре были вынуждены отступить. В сложившейся ситуации на литовско-польском фронте Г. В. Чичерин потребовал от Литвы гарантировать неприкосновенность на своей территории от польских войск, и если она не в состоянии обеспечить ее, то советское руководство предпримет меры для эвакуации с литовской территории [4, с. 165]. В тот момент руководство Польши приняло решение обратиться в Лигу Наций с жалобой, заявив, что находится перед лицом прямой агрессии со стороны Литвы, а сами литовцы стали инструментом Советской России. Таким образом, вопрос о характере нейтралитета Литвы в советско-польской войне был вынесен на широкое обсуждение международной общественности.

Западные державы быстро согласились включить в повестку дня Совета Лиги Наций рассмотрение польской жалобы и направили Литве, которая на тот момент не являлась ее членом, официальное приглашение участвовать в сессии Совета. Поляки заявили о содействии Литвы свободному проходу через ее территорию интернированных в Восточной Пруссии большевиков. Это обвинение и стало ключевым моментом в вопросе о нарушении Литвой нейтралитета в советско-польской войне.

После поражения Красной армии под Варшавой и занятия 19 августа поляками Бреста, а затем 23 августа и Белостока 4-я армия и 3-й конный корпус генерала Г. Д. Гая и две дивизии из состава 15-й армии перешли границу Восточной Пруссии и были интернированы, в их пропуске через свою территорию и обвиняла Польша Литву. В своих нотах президенту и Совету Лиги Наций польская сторона заявила о 130 тыс. советских солдат, из которых 52 тыс. были интернированы германскими властями, а остальные, пройдя из Восточной Пруссии через территорию Литвы, соединились с частями Красной армии и значительно усилили ее боеспособность [14, р. 84–85; 15, р. 75–76]. Указанные польской стороной количественные показатели представляются чрезвычайно завышенными. Так, например, в статистическом исследовании потерь вооруженных сил России и СССР говорится лишь о 43 тыс. военнослужащих Красной армии, отошедших на территорию Восточной Пруссии и размещенных германскими властями в лагерях для интернированных; на родину же в середине 1921 г. (!) вернулись 40 986 человек [16]. Однако некоторая их часть возвратилась раньше. Западные историки, в свою очередь, пишут о том, что «тысячи русских войск», попавших в окружение в ходе польского наступления, перешли на германскую территорию, чтобы избежать плена; из них некоторое количество воссоединилось с Красной армией, пройдя через территорию Литвы [12, р. 35].

Литовские историки, комментируя цифры, приведенные поляками, говорят об «очевидном преувеличении числа» [17, р. 148]. Л. Наткевичус, к примеру, опровергает польские обвинения в нарушении нейтралитета по следующим основаниям. Во-первых, нейтральная сторона

не должна препятствовать такому транзиту, а если и осуждать кого-то, то Германию, которая на своей территории освободила интернированных. «Это были военнопленные в третьем государстве, которые пересекли литовскую границу» [17, р. 148–149]. Во-вторых, Литва не смогла бы стеречь заключенных на своей территории в силу ряда опасностей, которые последовали бы за подобным решением. Кроме того, на территории Литвы было большое количество интернированных польских солдат (два полка), которые бежали на родину. Литва пыталась сохранять баланс между воюющими сторонами, потому что Советская Россия могла в свою очередь обвинить литовцев в нарушении нейтралитета.

Нейтралитет Литвы обсуждался на протяжении всего сентября 1920 г. и окончательно отошел на второй план после захвата Вильнюса мятежными отрядами польского генерала Л. Желиговского.

Вопрос о характере нейтралитета Литвы (ею самой заявленном как *строгий*) летом-осенью 1920 г. остается довольно спорным. Польские историки называют Литву и Советскую Россию союзниками, в то время как литовцы доказывают, что их правительство все же соблюдало строгий нейтралитет. Трудно не согласиться с А.Э. Зенном, который пишет, что вопреки обвинениям польских авторов литовские и русские войска никогда не сражались бок о бок друг с другом против поляков, но все-таки «нейтралитет Литвы был чем-то меньшим, чем строгий» [12, р. 33].

Статья подготовлена при финансовой поддержке федеральной целевой программы «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России», номер соглашения № 14.А18.21.0490.

Список источников и литературы

1. *Документы внешней политики СССР*. М., 1958. Т. 2.
2. Laurinavičius Č. Ar buvo “Slaptas protokolai” prie 1920 m. liepos 12 d. taikos sutarties (dėl Lietuvos ir Sovietų Rusijos karinės sąjungos 1920 m. vasarą ir rudenį) // Lietuvos istorijos metraštis. 1990. Vilnius, 1992. P. 42–60.
3. Urbšys J. Medžiaga Vilniaus ginčo diplomatinei istorijai. Kaunas, 1932.
4. *Документы внешней политики СССР*. М., 1959. Т. 3.
5. Žepkaitė R. Lietuva ir didžiosios valstybės 1918–1939 m. Kaunas, 1986.
6. Гришин Я.Я. Необычный ультиматум. Казань, 2005.
7. *The Lithuanian-Polish dispute: Second assembly of the League of Nations at Geneva, 1921*. London, 1921.
8. *Границы Литвы. Тысячелетняя история*. Вильнюс, 2010.
9. Laurinavičius Č. Geopolitikos ir demokratijos dilema: moderniosios Lietuvos užsienio politika ir Steigiamasis Seimas // 1920–1922 metų parlamentinė patirtis: sprendimų politika, tikslai, aplinkybės. Vilnius, 2000. P. 33–40.
10. Łossowski P. Konflikt polsko-litewski 1918–1920. Warszawa, 1996.
11. Skirius J. US Government Policy toward Lithuania 1920–1922: recognition of Lithuanian Independence. Chicago ; Illinois, 2000.
12. Senn A.E. The great powers, Lithuania and the Vilna question, 1920–1928. Leiden, 1966.
13. Шубин И. Париж – Варшава – Вильно: Виленщина на перекрестке империалистических путей Франции. М., 1923.

14. *Documents* diplomatiques concernant les relations polono-lithuanienes (decembre 1918 – septembre 1920). Varsovie, 1920.

15. *Conflit* Polono-Lithuanien, Question de Vilna 1918–1924. République de Lithuanie. Ministère des Affaires étrangères. Kaunas, 1924.

16. *Россия и СССР в войнах XX века: Потери вооруженных сил* / под ред. Г.Ф. Кривошеева. М., 2001. URL: <http://lib.ru/MEMUARY/1939-1945/KRIWOSHEEW/poteri.txt> (дата обращения: 30.09.2012).

17. *Natkevičius L.* Aspect politique et juridique du différend polono-lithuanien. Kaunas, 1930.

Об авторе

46

Мария Анатольевна Манкевич – педагог, МАОУ СОШ №28, Калининград.
E-mail: ourhistory@mail.ru

About author

Maria Mankevich, teacher, School No 28, Kaliningrad.
E-mail: ourhistory@mail.ru